

ВЗАИМОВЛИЯНИЕ СТЕПНОЙ И ОСЕДЛОЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКОЙ КУЛЬТУР УСТРУШАНЫ В ЭПОХУ АНТИЧНОСТИ И РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

INTERFERENCE OF THE STEPPE AND SEDENTARY FARMING CULTURES OF USTRUSHANA IN ANTIQUITY AND THE EARLY MIDDLE AGES

© 2016 Ф. Э. Ташбаев

Узбекистан

© 2016 F. E. Tashbaev

Uzbekistan

Территория среднего течения Сырдарьи в силу благоприятных климатических условий с эпохи каменного века притягивала к себе первобытных людей. В конце бронзового периода археологически наблюдается интенсивный приток в земледельческие оазисы и оседание кочевых андроновских племен Евразии. Именно на левом берегу располагалась древняя и средневековая Уструшана; здесь выявлено значительное количество курганов. Данный регион, расположенный на границе со скотоводами-кочевниками, на протяжении всей своей истории был, так или иначе, связан с ними. На разных этапах эти отношения складывались по-разному, что составляет сложность фиксации по археологическим данным. В частности трудно, например, определить способ хозяйствования. Ведь в группу кочевников входят различные племена, которые ярко отражаются на характере материальной культуры, полученной из изученных могильников. Причем эти традиции определенно родственны культурам степной зоны.

В Ташкентском оазисе стоянки осевших кочевников раннего железного периода достаточно хорошо исследованы на материалах Бургулюкской культуры. С этого периода данный регион начал развиваться как контактная зона между земледельческими и кочевыми племенами Средней Азии. Однако осевшие племена сохраняли кочевой тип хозяйствования, который упоминается в письменных источниках. Отметим, что в «Авесте» упоминаются племена туров. Также указывается, что племена данай-туров представляли собой Яксартских саков. Тем не менее, в главе, посвященной богине Анахите, Канха — одна из резиденций Туранских царей, расположенная в среднем течении Сырдарьи — преподносится как «высокий и священный дом»¹.

На Бехистунской стеле и в произведениях греческих историков имеется достаточно сведений о кочевых скотоводах среднего течения Сырдарьи, в частности саках и скифах. Если источники VI–IV вв. до н. э. говорят о населении региона в основном как о скотоводах, то в последующем (IV–II вв. до н. э.) отмечается, что у сакских племен имелись стационарные стоянки и простые дома². В китайских летописях имеются сведения о том, что саки

The territory of the Middle Syr Darya River owing to the favourable climate attracted the primitive people since the Stone Age. The intensive inflow into the agricultural oases and the settling nomadic Andronovo tribes of Eurasia in the late Bronze Age are observed from archeological point of view. The ancient and medieval Ustrushana was situated on the left bank; a significant number of burial mounds were revealed at the place. This region placed on the border with the nomadic cattle-breeders was somehow linked to them during the whole history. At the different stages these relations were formed differently, what makes the fixation by the archaeological data quite difficult. In particular, it is hard, e.g. to identify the method of economy. As the different tribes reflected in the material culture obtained from the researched burial grounds are a part of the nomads' group. It being known that these traditions are definitely kindred to cultures of the steppe zone.

The sites of the settled nomads of the early Iron Age in Tashkent oasis are well studied by materials of the Burgulyuk culture. Since that period this region was developed as a contact zone between the farming and sedentary tribes of Central Asia. However, the settled tribes kept the nomadic type of economy mentioned in the written sources. It should be noted that tribes of the Turs are mentioned in the Avesta. It is also pointed out that tribes of the Danay-Turs were the Yaksart Sakas. Nevertheless, Kankha as one of residences of Turan kings placed in the Middle Syr Darya is mentioned as a 'high and holy house' in the chapter devoted to goddess Anahita¹.

On the Behistun stele and in the Greek historians' works there are enough data about the nomadic cattle-breeders of the Middle Syr Darya, in particular, the Sakas and the Scythians. The written sources of the 6–4th centuries BCE mention the population of the region basically as about the cattle-breeders, and the next ones (the 4th – 2nd centuries BCE) noted that the Sakas' tribes had the stationary stands and simple houses². The Chinese chronicles tell about the Sakas as about founders

являлись основателями государства Канг и жили в глинобитных домах. Эти же источники указывают, что в данном регионе наряду с сельскохозяйственным населением проживали и кочевники. Надо отметить, что это население находилось под сильным влиянием скотоводов, так же как древние сельскохозяйственные оазисы Шаша, Ферганы, Согда.

Известно, что в III–II вв. до н. э. происходил процесс великого переселения народов, в результате которого произошло массовое проникновение и оседание кочевников, можно сказать, новых этнических элементов. Приход последних Л. Н. Гумилёв связывает с природными (экологическими) условиями того времени, изменением направления циклонов и муссонов, что нарушило экономический баланс «великих степей». В течение 200 лет полностью высохло озеро Балхаш, уровень Иссыккуля резко упал, а Аральское море превратилось в Оксийское болото³. Кочевники были вынуждены переселяться на новые земли, проблема пастбищ оставалась самой важной. По мнению Г. А. Фёдорова-Давыдова, причиной переселения народов и перехода к оседлой жизни кочевников Евразийских степей является имущественная дифференциация населения⁴. Т.е., эти процессы были связаны и с изменениями взаимоотношений внутри общества, которые проявлялись в усилении социального расслоения, нехватке пастбищ и т.д. В то же время скотоводы с достаточными пастбищами не видели необходимости перехода к оседлому образу жизни.

Следовательно, проникновение этнических групп кочевников и переход некоторых из них к оседлому образу жизни привели к изменению характера формы хозяйствования. В истории народов среднего течения Сырдарьи по археологическим материалам больше всего выделяются культуры андроновских общин эпохи бронзы и населения оседло-земледельческих оазисов⁵. Античность Средней Азии характеризуется сближением культур земледельческого и кочевого населения, усилением процессов этнического взаимовлияния, хотя начало этого процесса было заложено в конце I тыс. до н. э. в нижнем и среднем бассейнах Сырдарьи, которая связана с так называемой «степной культурой». В то же время кочевые племена начали активно селиться в Уструшане, Фергане и Чаче. Это прослеживается в сферах материальной и духовной культуры всех регионов. Дальнейшая судьба кочевых сакских племён связана с историей вторгшихся в Среднюю Азию евроазиатских кочевых племён, которые в этническом отношении были близки к этому населению.

Джизакский оазис издавна имел очень важное стратегическое значение для Согда, так как выполнял функ-

of Kang state and residents of wattle and daub houses. These written sources indicate that the nomads lived along with the farming population in this region. It should be noted that this population was strongly influenced by the cattle-breeders like other ancient farming oases of Shash, Fergana and Sogd.

It is known that in the 3rd – 2nd centuries BCE the Great migration of peoples resulted in the mass entry and settling of the nomads as new ethnic elements took place. Their migration is explained by L. N. Gumilev by the natural (ecological) conditions of that time, changes of direction of cyclones and monsoon breaking the economical balance of 'great steppes'. During 200 years Lake Balkhash completely dried up, the level of Lake Issyk-Kul sharply dropped, and the Aral Sea turned in the Oxus bog³. The nomads had to migrate to the new lands and the problem of pastures remained to be crucial. According to G. A. Fedorov-Davydov's opinion the reason of peoples' migration and transition of the nomads of Eurasian steppes into the settled way of life is the property differentiation of population⁴. These processes were connected with changes of interrelations in the society, which became apparent in intensification of the social stratification, the lack of pastures, etc. At the same time the cattle-breeders with sufficient pastures did not need the transition into the settled way of life.

Consequently, the entry of nomads' ethnic groups and transition of some of them into the settled way of life led to the change of types of economy. The cultures of the Andronovo communities of the Bronze Age and the population of sedentary-agricultural oases stand out much in the history of peoples of the Middle Syr Darya according to the archaeological materials⁵. Antiquity of Central Asia is characterised by convergence of the farming and nomadic population's cultures and intensification of processes of the ethnical interaction, although this process started in the late 1st millennium BCE in the lower and middle basins of the Syr Darya River connected to the so-called 'steppe culture'. At the same time, the nomadic tribes began actively settling in Ustrushana, Fergana and Chach. It is retraced in spheres of material and spiritual culture of all regions. The future fortune of the nomadic Sakas' tribes is linked to the history of the Eurasian nomadic tribes, who invaded Central Asia and were ethnically similar to this population.

Djizak oasis from of old had very important strategic significance for Sogd as 'East gate'. At their time the no-

цию «восточных ворот». В своё время кочевые племена из степей Шаша и Ферганы для походов в Согд выбирали два маршрута: Джизак – Илонутти в Зарафшанский оазис и Джизак – Нурата в Бухару и Карману⁶. Через Джизакский оазис проходил ещё и третий маршрут через кишлак Рават, горы Маргузар, который выходил на среднее течение реки Сангзар. В бассейнах рек Раватсай и Курпасай археологически зафиксированы курганные погребения, а это значит, что влияние кочевников на Согд осуществлялось через Джизакский оазис. Наличие в Уструшане образцов согдийской материальной культуры говорит о том, что эти культуры имели почти одинаковый источник возникновения.

По мнению Г. А. Брыкиной, исследовавшей приграничные территории Юго-Западной Ферганы с Уструшаной, кочевники зачастую попадали под влияние высокоразвитых земледельческих культур. Вышесказанное подтверждают керамические изделия, выявленные при исследованиях курганных погребений в данной местности⁷. Основная часть керамических изделий была изготовлена на гончарном круге, где преобладал красноангобиранный и процарапанный орнаменты. Однако эти изделия имели и некоторый качественный недостаток, что проявилось в грубости обработки, тусклости ангоба и в хрупкости обжига. Всё это дало возможность Г. А. Брыкиной заключить, что эти изделия являлись продукцией местных недавно осевших мастеров, подражавших импортным изделиям из Ферганской долины.

Новшеством в керамическом производстве являлось изготовление изделий в подражании деревянным и металлическим сосудам. Подобные изделия довольно часто выявлялись на городищах Уструшаны. Однако сложно говорить о влиянии оседлых культур на гончарное производство кочевников северо-запада Уструшаны в той же мере, что и в Фергане. Причиной этому является частичная исследованность около 800 курганов и групп подобных памятников, зафиксированных в Северо-Западной Уструшане (таблица 1). А на территории Сырдарьинской области зафиксировано 17 групп или отдельно стоящих курганов⁸. Керамические материалы обнаруженных в могильниках Уструшаны античного периода, в отличие от подобных изделий оседлых племён, изготовлены вручную, грубая форма, низкого качества сырьё — огнеупорная глина с примесью дресва и мелкого песка. В целом большинство сосудов — не высокие, с ровным и широким донцем (рис. 1, 1, 2).

Результаты исследования памятников Северо-Западной Уструшаны свидетельствуют, что в керамическом производстве все больше проявляются элементы степной

madic tribes from steppes of Shash and Fergana chose two routes for marches toward Sogd: Djizak – Ilonutti into Zeravshan oasis and Djizak-Nurata into Bukhara and Karmana⁶. One more route passed Djizak oasis through Ravat village and the Marguzar Mountains to the Middle Sangzar River. The burial mounds were archaeologically revealed in basins of the Ravatsai and Kurpasai Rivers, and it means that the nomads' influence on Sogd took place through Djizak oasis. The presence of samples of the Sogdian material culture in Ustrushana is evidence that these cultures had almost the same source of origin.

According to G. A. Brykina's point of view, who researched the border areas of Southwest Fergana and Ustrushana, the nomads were frequently influenced by the highly developed farming cultures. The aforesaid is proved by the ceramic products disclosed during researches of the burial mounds in the locality⁷. The main part of ceramics was produced on the potter's wheel and ornamented with the red engobe and incised pattern. However, these handicrafts had some qualitative defects such as a crude treatment, dimness of engobe and frailty of firing. All of this gave G. A. Brykina possibility to conclude that these handicrafts were products of the local recently settled craftsmen imitating the imported goods from the Fergana Valley.

The innovation in the ceramic production was the making of ware with imitation of the wooden and metal vessels. Such handicrafts were quite frequently discovered at sites of Ustrushana. However, it is difficult to tell about an influence of the sedentary cultures on the potter's production of the nomads in Northwest Ustrushana as much as in Fergana. The reason is a partial study of about 800 burial grounds and groups of similar sites fixed in Northwest Ustrushana (table 1). And on the territory of Syrdarya Province 17 groups or separate burial grounds are fixed⁸. The ceramic materials found in burial grounds of Ustrushana of Antiquity unlike the similar items of the settled tribes were handmade with rough shape, low-quality raw material such as the fire clay with added gravel and fine sand. In general, the majority of vessels is low pottery with even and wide bottom (fig. 1, 1, 2).

Results of researches of sites in Northwest Ustrushana are evidence of more elements of the steppe culture appeared in the ceramics⁹. In the burial mounds there are rare handicrafts of high quality produced on the potter's wheel typical for the urban production.

культуры⁹. В курганных могильниках редко встречаются качественные изделия, изготовленные на гончарном круге, характерном для городского производства. Найденные в могильниках Гульба 2 и 5 керамические кувшины изготовлены на круге быстрого вращения, глина плотная, без посторонних примесей, обжиг равномерный. Поверхность и дно сосудов были покрыты ангобом светло-коричневого цвета. Ангобными потеками покрыта также внутренняя часть сосуда. На плечиках имеется выпуклый поясок (рис. 2, 1, 2). Поверхность венчика слегка скошена наружу. Диаметр венчика больше диаметра дна, что характерно именно для сосудов городского населения, тогда как у сосудов кочевнических, как было отмечено выше, иная пропорция¹⁰. Подобные сосуды, датируемые кушанским временем, были найдены в погребении на городище Коктепе в Самаркандской области Узбекистана¹¹. Сосуды с валиком на плечиках характерны для Бабашовского могильника¹². Если посмотреть дальнейшую эволюцию изготовления керамики, например V–VI вв., в материальной культуре региона местных гончаров появляются станковые изделия: узкогорлые и красноангобированные кувшины большой ёмкости с одной ручкой, котлы с крышками. В целом, в технике изготовления и форме изученных керамических изделий наблюдается близость с Каунчинской культурой.

The ceramic jugs found in burial grounds of Gulba 2 and 5 were produced on the wheel of rapid rotation with even firing and the dense clay without foreign admixtures. The surface and bottom of vessels were coated with light brown engobe. The inner part is covered with engobe runs. Shoulders are decorated with a convex band (fig. 2, 1, 2). The rim is slightly slanted out. The diameter of rim is bigger than the bottom, what is typical exactly for vessels of the urban population, whereas the nomads' vessels had different proportions. The analogous vessels dated to Kushan period were discovered in burials in Koktepa site in Samarkand Province¹¹. The vessels with cylinder on shoulders are typical for Babashov burial ground¹². As the further evolution of ceramic production of, e.g. the 5–6th centuries is observed, then the items produced on the potter's wheel such as the narrow-necked and big jugs with one handle coated with red engobe and cauldrons with lids originated. Generally, the technique of production and the shape of studied ceramics are closed to the Kaunchin culture.

L. M. Levina identified three stages in development of the Kaunchi and Otrar-Karatag cultures: the first is the 1st – the late 3rd and the early 4th centuries; the second is the 4th–5th centuries and the third is the 6th – the

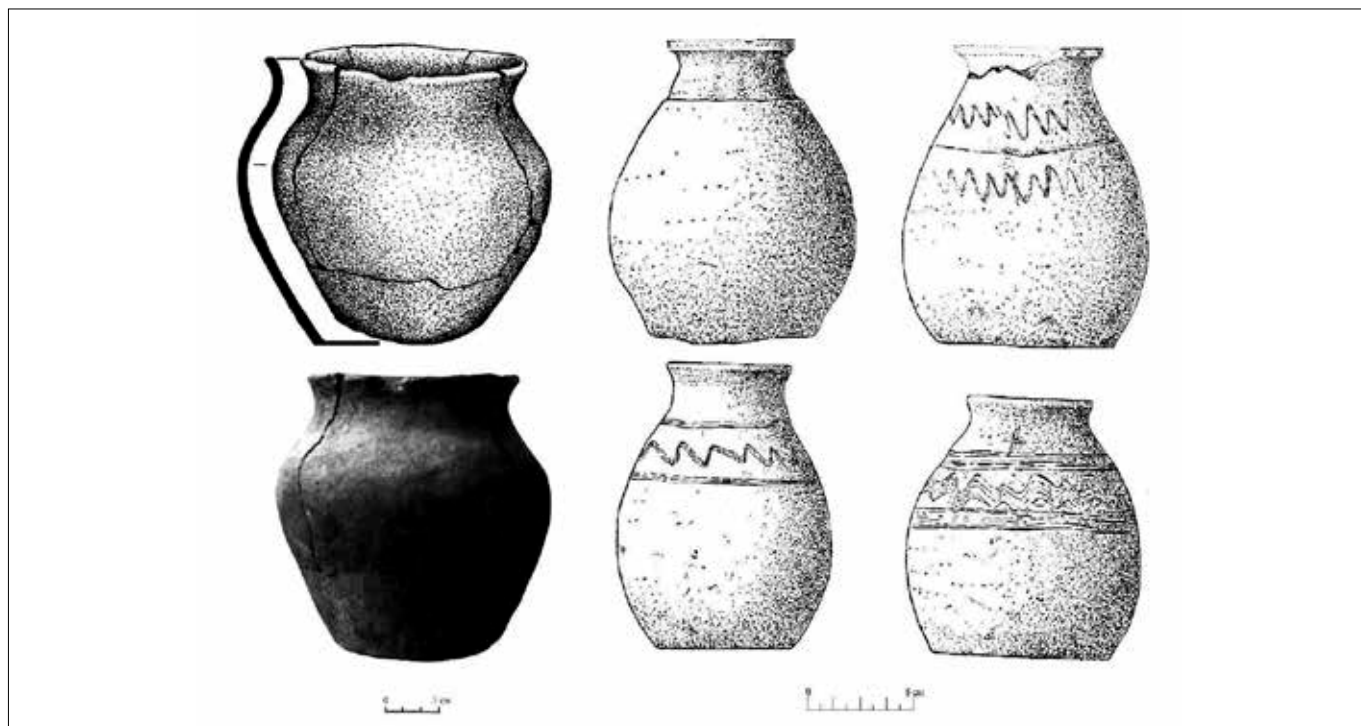

Рис. 1. Керамические изделия кочевников Уструшаны:
1. Керамика из Гульбинского могильника;
2. Керамические изделия Ширинсайского могильника

Fig. 1. The ceramic ware of nomads of Ustrushana:
1. Ceramics from Gulba burial ground;
2. Ceramic ware of Shirinsai burial ground

А. М. Левина определила три этапа в развитии культур Каунчи и Отрар — Каратага: первый — начало н. э. — кон. III / нач. IV века; второй — IV–V вв.; третий — VI — нач. VIII в. Для третьего этапа Каунчинской культуры характерно влияние на Ташкентский оазис Согда и Уструшаны; влияние Согда выявлено в некоторых архитектурных элементах — терракоте, штампованном орнаменте, а также в некоторой мере в изготовлении керамических изделий, подражавших металлическим сосудам¹³. По мнению Н. Г. Горбуновой, культура Северо-Западной Уструшаны очень похожа на культуру Ферганы, так как последняя тоже возникла через синтез земледельческого и скотоводческого населения. Как результат вплоть до раннего средневековья в Фергане не было денежного обращения, а также настенных росписей, скульптур (за исключением грубых терракот) и разных орнаментов. Этот регион более близок к культуре народов бассейна Сырдарьи, чем земледельцев юга Средней Азии¹⁴.

early 8th centuries. For the third stage of the Kaunchin culture the influence of Sogd and Ustrushana on Tashkent oasis is characteristic; the influence of Sogd is revealed in some architectural elements such as terracotta, stamped decoration, and also in the production of ceramics imitating the metal vessels¹³. According to N. G. Gorbunova's point of view the culture of Northwest Ustrushana looks very much like the culture of Fergana, because the latter one also originated through the synthesis of agricultural and cattle-breeding population. As a result, till the early Middle Age in Fergana there was no monetary circulation, the wall painting, sculptures (besides the crude terracotta) and different ornaments. This region was much closer to the culture of peoples of the Syr Darya basin, than to the farmers of southern Central Asia¹⁴.

However, it does not mean that the Fergana variant of a mixed culture prevailed in Ustrushana in the 3rd –

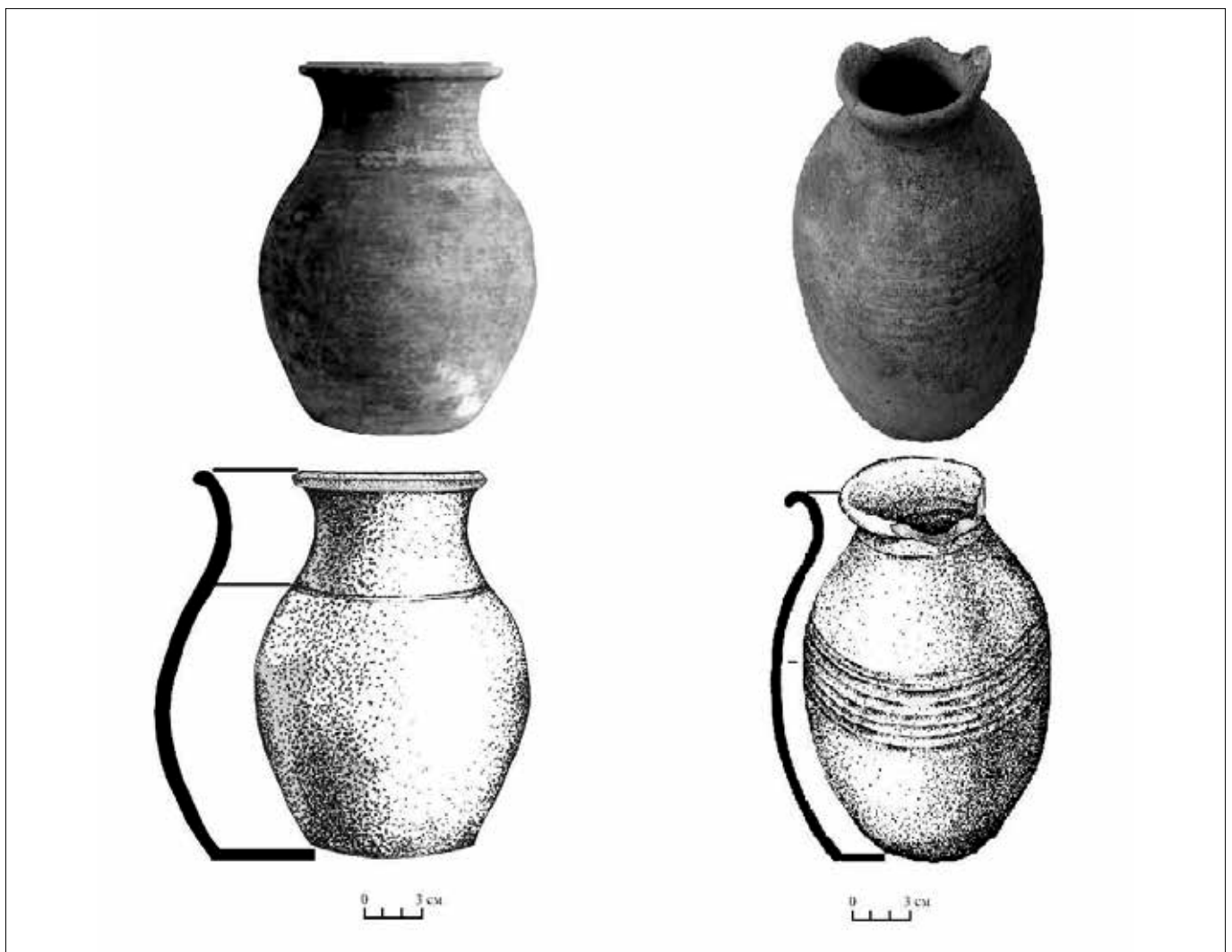

Рис. 2. 1, 2. Кувшины из могильника Гульба

Fig. 2. 1, 2. Jugs from Gulba burial ground

Однако это не означает, что в Уструшане III–IV вв. также преобладал ферганский вариант смешанной культуры. Как нам представляется, период переселения степных народов в земледельческие оазисы частично завершался переходом их к оседлости. Последнее объясняется особенностью материальных находок, соответствующих кочевникам и оседлому населению, а расположением могильных курганов поблизости земледельческого оазиса¹⁵. В Гульбинских могильных курганах, расположенных в Зааминском районе Джизакской области, рядом с покойным обнаружены военные доспехи — меч, кинжал, нож, лук и стрелы, а также домашняя утварь, которыми они пользовались при жизни. Эти археологические материалы идентичны подобным артефактом степных кочевников.

Данные об оружейном деле, вооружении уструшанцев периода древности и раннего средневековья встречаются очень редко. Недостаточное исследование этой проблемы может быть объяснено несколькими причинами. Главным из них, на наш взгляд, является малочисленность предметов вооружения в археологических комплексах Уструшаны. Правда, бронзовых и железных наконечников стрел и костяных накладок на лук представлено достаточно. Остальные предметы вооружения единичны. К этому следует добавить, что в Уструшане почти отсутствуют специальные работы, посвященные данной проблеме¹⁶. Однако есть некоторые публикации, где собраны и интерпретированы материалы, в частности для античного периода.

Комплекс вооружения из могильника Гульба включает средства дистанционного боя (наконечник стрелы), ближнего боя (мечи, кинжалы, ножи) и защиты (панцирные пластины); последние обнаружены только в трех курганах, но в плохой сохранности. Ниже опишем предметы вооружения, обнаруженные в могильнике Гульба.

Мечи, всего четыре экземпляра, сохранились почти полностью, хотя сильно подверглись коррозии и деформации. Все мечи по форме и методу изготовления мало отличаются друг от друга. Они были положены в основном ниже пояса поперек или параллельно с телом покойного. Подобное расположение мечей хорошо известно¹⁷. Мечи — прямые, железные, двулезвийные, перекрестие являлось расширенным продолжением лезвия. Рукоять узкая, в некоторых сохранились следы от деревянных обкладок. Навершие оформлено в виде полудуги. Длина меча от 64 до 82 см. Наибольшая широкая часть лезвия в пределах 2–4 см (рис. 3. 1, 2, 3).

Подобные мечи отмечены в Тульхарском, Бабашевском могильниках Бишкентской долины, относившихся к II–I вв. до н. э.¹⁸, Лявандакском и Акджартепинском могильнике Согдийского оазиса II–I вв. до н. э.¹⁹,

4th centuries as well. It seems to us that the period of migration of the steppe peoples into the agricultural oases are partially ended by their transition to settled way of life. The latter fact might be explained by special features of the material finds corresponding to the nomads and the sedentary population and location of burial mounds near the farming oases¹⁵. The military armour such as sword, poniard, knife, bow and arrow, and also the houseware were disclosed near the dead in Gulba burial mounds located in Zaamin region of Djizak Province. These archaeological materials are identical to artifacts of the steppe nomads.

The data on the arms of Ustrushana population of Antiquity and the early Middle Ages are very rare. The lack of researches of this issue might be explained by several reasons. The main reason is, from our point of view, a small number of arms in the archaeological complexes of Ustrushana. As a matter of fact, there are enough bronze and iron arrowheads and the bone pieces of bow. The rest of armour is single. In addition, in Ustrushana there are almost no special works on this issue¹⁶. However, there are some publications with collected and interpreted materials of Antiquity.

A complex of arms from Gulba burial ground includes the means of distant fight (arrowheads), infighting (swords, poniards and knives) and defence (armour-clad plates) found only in three burial mounds, but in poor condition. We will describe the arms found in Gulba burial mound below.

The swords (just four specimens) are totally extant, although strongly corroded and deformed. All swords differ a little from each other in shape and method of production. They were placed mainly below the belt crosswise or in parallel to the dead. Such a position of swords is well-known¹⁷. Swords are straight, iron, double-blade and the crosshair is the widen extension of the blade. The handle is narrow with traces of wooden encasing on some of them. The top is formed in the shape of half-arc. The sword is from 64 to 82cm long. The widest part of blade is 2–4cm (fig. 3, 1, 2, 3).

The similar swords were discovered in Tulkhar and Babashev burial grounds of Bishkent Valley dated to the 2nd – 1st centuries BCE¹⁸, Lyavandak and Akdjatepa burial grounds of Sogd oasis of the 2nd – 1st centuries BCE¹⁹ and Bishunear burial grounds of South Ural²⁰. They are known by finds from Sarmat burials²¹ and by arms and armour disclosed at Kanka site of Tashkent oasis²².

All five specimens of poniard are almost totally extant as well. Traces of wooden encasing and clip-riverts are re-

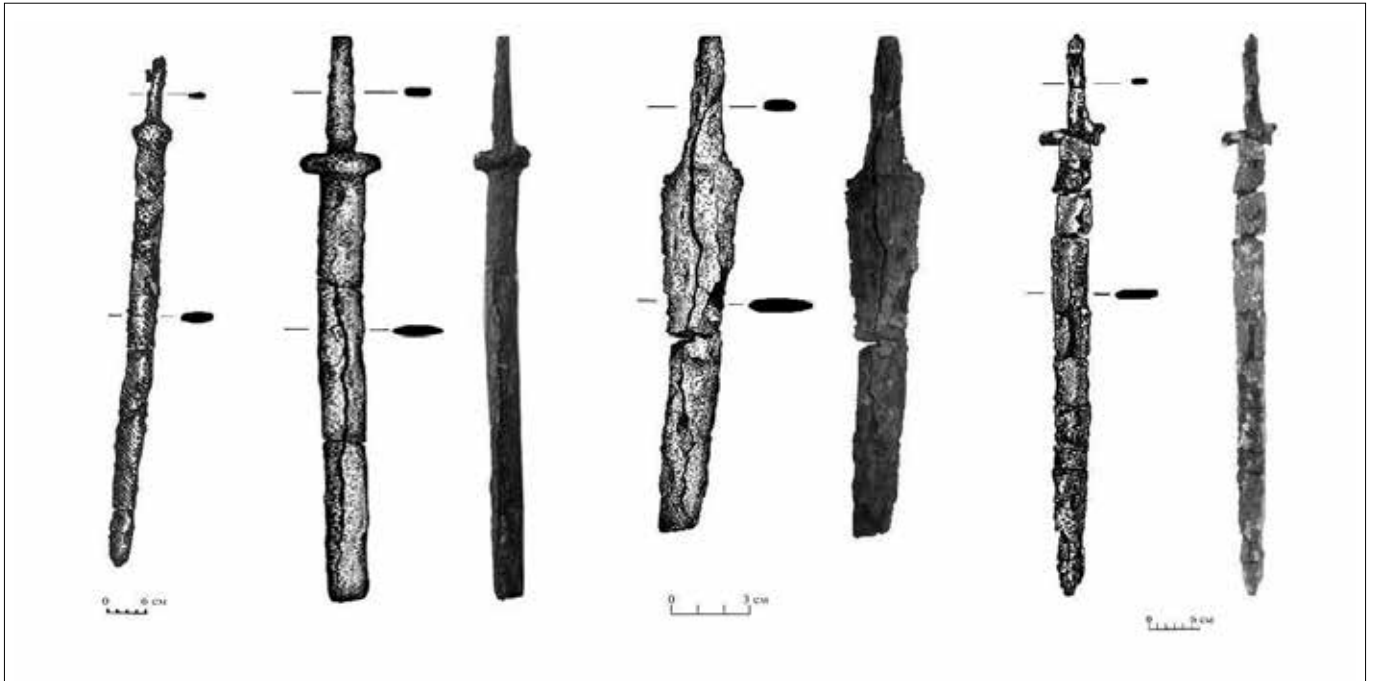

Рис. 3. 1, 2, 3. Мечи из могильника Гульба

Fig. 3. 1, 2, 3. Swords from Gulba burial ground

в Бишуневаровских курганах Южного Урала²⁰. Они известны по находкам из сарматских погребений²¹ и по предметам вооружения и воинского снаряжения, найденным на городище Канка Ташкентского оазиса²².

Кинжалы, всего пять экземпляров, также сохранились почти полностью. На рукоятках обнаружены следы от деревянных обкладок и скрепок-заклепок. Длина кинжалов 16–22 см, они прямой формы и двулезвийные. Наиболее широкая часть лезвия 2,5–4 см (рис. 4. 1, 2). Аналогии кинжалам отмечены в Тульхарском могильнике Бишкентской долины, отнесенным к II–I вв. до н. э.²³, могильниках Ташкентского оазиса, а также Ворухской и Карамазарской²⁴ и еще Лявандакском, Огаликских могильниках Согдийского оазиса в II–I вв. до н. э.²⁵. Заклепки для прикрепления деревянной рукоятки к железной части были обнаружены в Ачамоиллинском могильнике Ташкентского оазиса²⁶. Периодизация выше — отмечанных находок укладывается в II–I вв. до н. э. и I в. н. э.

Ножи в основном прямые, однолезвийные, переход от черенка к лезвию плавный. Черенок был, несомненно, посажен симметрично, продолжая ось лезвия. Подобные ножи Б. А. Литвинский относит к первому отделу, тип 1²⁷. Наши ножи наиболее сходны с ножами из Ворухского могильника и Карамазарских курумов²⁸.

Наконечники стрел (6 экз.) изготовлены из железа, трехлопастной формы, черешковые с прямыми жальцами. Длина 3–5 см. Острие покрыто каким-то расплавленным материалом, видимо, во время кремации покойного (рис. 5,

vealed in handles. The straight double-blade poniards are 16–22 cm long. The widest part of blade is 2,5–4 cm (fig. 4, 1, 2). The analogues of poniards were found in Tulkhar burial ground of the Bishkent Valley dated to the 2nd – 1st centuries BCE²³, burial grounds of Tashkent oasis, and in Vorukh, Karamazar²⁴, Lyavandak, and Ogalik burial grounds of Sogd oasis in the 2nd – 1st centuries BCE²⁵. The rivets to fasten the wooden handle to an iron part were found in Achamoyl burial ground of Tashekent oasis²⁶. The periodisation of above-mentioned finds is from the 2nd – 1st centuries BCE and the 1st century CE.

The knives are generally straight and single-blade, passage from the heft to the blade is smooth. The heft was set symmetrically as extension of the axis of blade. B. A. Litvinskiy attributed such knives to the first section, type I²⁷. Our knives are more similar to knives from Vorukh burial ground and Karamazar *kurum*²⁸.

The trilobite arrowheads (6 specimens) with heft and straight stings are made of iron. They are 3–5 cm long. The spike was coated with a melted material, evidently, during the cremation of the dead (fig. 5, 1, 2). Such finds are commonly dated to the last centuries BCE – the first centuries CE²⁹. There are two more arrowheads with heft coated almost totally by the same melted material. All arrows were placed at the belt and a leg. B. A. Litvinskiy noted the wide spread of this type of arrowheads from the 3rd century BCE to the 3rd century CE³⁰. The written sources inform us that the Middle Syr

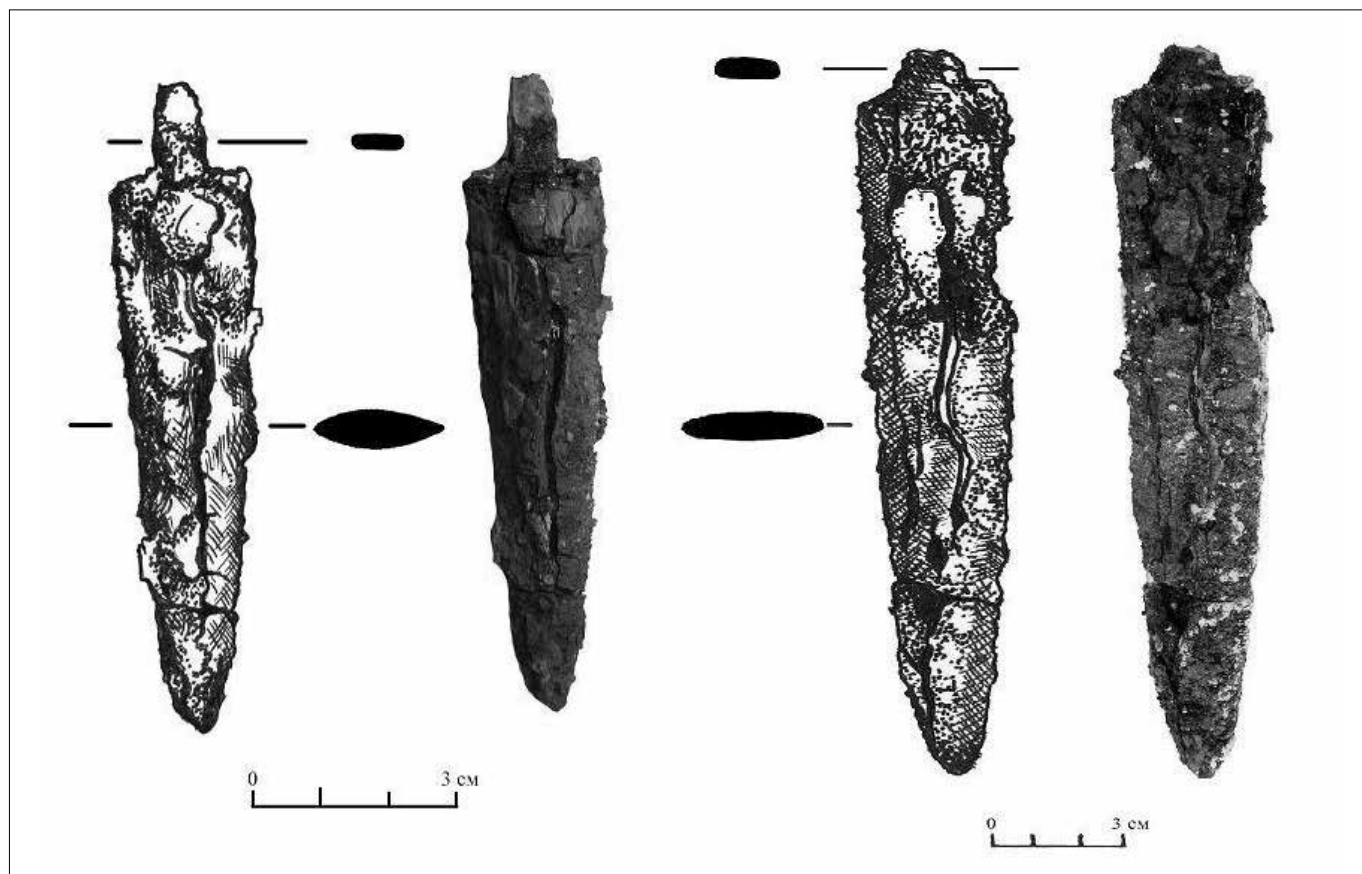

Рис. 4. 1, 2. Кинжалы из могильника Гульба

Fig. 4. 1, 2. Poniards from Gulba burial grounds

1, 2). Подобные находки обычно датируются последними вв. до н. э. — первыми веками н. э.²⁹. Имеется еще два черешковых наконечника стрел, покрытые почти целиком таким же расплавленным материалом. Все стрелы находились в области пояса и ноги. Б. А. Литвинский отмечает широкое бытование этого типа наконечников с III вв. до н. э. III в. н. э.³⁰. Как сообщают письменные источники, Средняя Сырдарья издавна славилась стрелками из лука. И действительно, железные наконечники стрел в количественном отношении преобладают среди других видов оружия. На основе привлеченных аналогий мы можем предварительно предложить датировку от II–I вв. до н. э. по I в. н. э.

В большинстве случаев неметаллические военные доспехи (костяные, деревянные), а также тканые изделия не сохранились. Вероятно, главной причиной является обряд захоронения, связанный с кремированием погибших воинов. Более того, большинство полученных из этих могил металлических доспехов были сильно обожжены. Однако захоронения без военного инвентаря (курган № 1) не имели следов огня. Возможно, обряд кремации у древних уструшанцев был обязателен не для каждого умершего; такая почеть обычно оказывалась старейшинам племени и павшим воинам, проявившим

Darya was renowned long since for archers. Indeed, the iron arrowheads prevail in number among other types of arms. Basing on the involved analogues we may preliminarily date them to the 2nd – 1st centuries BCE and the 1st century CE.

Generally, nonmetallic armour (bone or wooden), and also the cloth products are not extant. Obviously, the main reason is the burial rite of cremation of the dead warrior. In addition, the majority of metal armour from these graves were strongly burnt. However, the burials without armour (burial mound No. 1) had no traces of fire. Perhaps, the rite of cremation among the ancient population of Ustrushana was obligatory for not every dead person; people did such an honour to the elders of the tribe and the dead warriors displaying courage and heroism. The study of material sources of Antiquity indicates that the warriors played an important role in Ustrushana.

The specialists related the origin of cremation in Central Asia to the Fedorovo tribes of the Andronovo historical and cultural community³¹. One of researchers analyzing the rite of cremation of the dead in the Fergana Valley came to the conclusion that: ‘The rite fixed at

мужество и героизм. Изучение материальных источников периода античности показывает, что в Уструшане военное сословие занимало важное место.

Появление кремации в Средней Азии специалисты связывают с федоровскими племенами андроновской историко-культурной общности³¹. Один из исследователей, анализирувавший обычай кремации покойных в Ферганской долине, пришёл к выводу: «Обряд зафиксированный на Мунчактепа и Суфане явно привнесён, так как в Фергане трупосожжение не имеет местных корней»³². Видимо, обычай кремации непосредственно связан с верованием. Предназначение огня в обряде кремации — очистительные и охраняющие магические функции во время перенесения души умершего на небо. «Иными словами, огонь при сожжении умершего выступает как посредник между миром живых и небесной обителью предков»³³.

Характерным для могильника Гульбо было хоронить умершего в позе всадника или полувсаднической. Данное связано с тем, что огромных степях Евразией основным хозяйством являлось кочевое скотоводство. Кочевникам приходилось вести войны, так как переселение на новые

Munchaktepa and Sufan was clearly imported, because the cremation had no local roots in Fergana³². Evidently, the rite of cremation is directly linked to a belief. The purpose of fire in the rite of cremation is the purificatory and protective magic functions as the dead's soul is transferring to the Heaven. 'In other words, fire is a mediator between the world of livings and the heavenly adobe of ancestors'³³.

It was typical for Gulbo burial ground to bury the dead in the 'horseman' or 'semi-horseman' positions. The reason is that the basic economy in the vast steppes of Eurasian was the nomadic cattle-breeding. The nomads had to wage wars, because the migration to new pastures was not easy. Everybody was interested in the rich and fertile pastures. The majority of youths reaching the mature age was involved in these battles, where they displayed heroism and courage for honour and glory. The cenotaphs fixed in the main part of tombs in Ustrushana were as if symbol of the dead warriors. The burials in the 'horseman' position meant that the dead were cavalrymen.

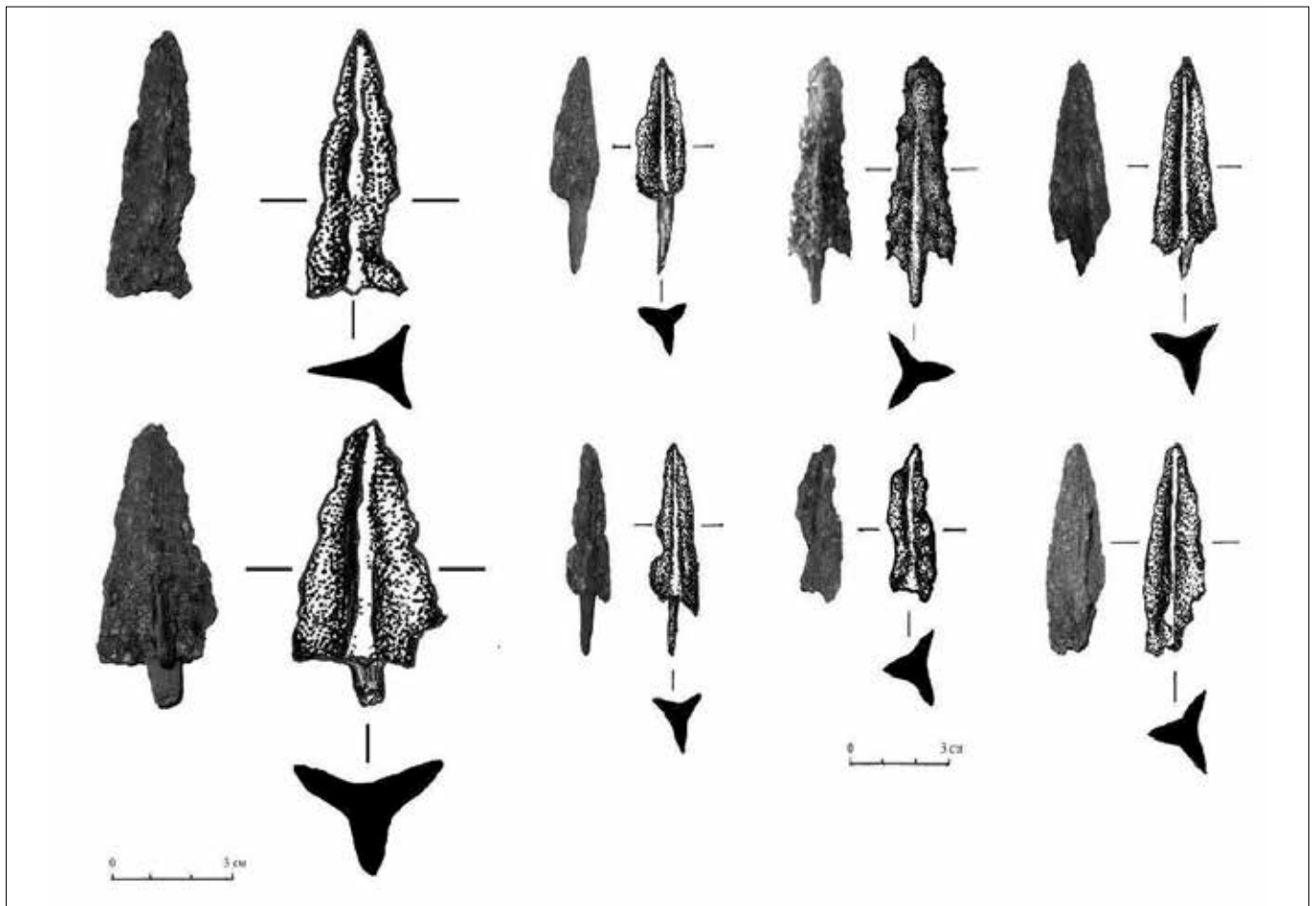

Рис. 5. 1, 2. Наконечники стрелы из могильника Гульбо

Fig. 5. 1, 2. Arrowheads from Gulba burial grounds

пастбища давалось нелегко. Богатые плодородные пастбища интересовала всех. Большинство юношей, достигшие зрелого возраста, были втянуты в эти сражения, где они проявляли героизм, мужество ради чести и славы. Кенотафы, встречающиеся в большинстве могил Уструшаны, являлись как бы символом погибших воинов. Захоронения в позе всадника означали, что при жизни они входили в отряды кавалерии.

Погребения в «позе всадника» уже давно привлекают внимание исследователей. Ареал их достаточно широк³⁴. В европейской части они известны с эпохи ямной культуры³⁵. Также они изредка зафиксированы среди «срубников». В Средней Азии и Казахстане такие традиции получают распространение с сакского времени³⁶ и продолжают до первых веков н. э.³⁷. В памятниках Чирикратской культуры одновременно отмечены погребения как в «позе всадника», так и «полувсаднической»³⁸. Они нередко отмечаются в сарматских погребениях³⁹. Все эти погребения, как правило, встречаются в периоды древности и античности, хотя прослеживаются и в более позднее время⁴⁰. Среди погребенных в «позе всадника» присутствуют как мужчины, так и женщины, включая детей. Обнаружение таких погребений в коллективных захоронениях дало повод некоторым исследователям назвать их «военачальниками»⁴¹. По мнению О. В. Обельченко, эта поза — дань древней традиции кочевых народов, перешедших к оседлому или полуоседлому образу жизни⁴². М. И. Артамонов считает, что подобное положение ног у женских костяков символизирует супружеские отношения.

Эта поза являлась переходной от скорченной позы. В скифских захоронениях она появляется в VII–VI и доживает до IV–III вв. до н. э.⁴³. Б. А. Литвинский выделяет три варианта погребения, характерные для «позы всадника»: 1) колени касались друг друга; 2) колени были раздвинуты, а ступни сведены и, может быть, связаны; 3) то же, что и № 2, но ступни отстоят друг от друга на значительном расстоянии. Однако эта поза являлась вторичной, а исходной — один из вариантов скорченности⁴⁴. Эти положения, по нашему мнению, были связаны с их профессией и культом лошади. Вероятно, это может свидетельствовать о том, что покойный большую часть своей жизни провел на коне. В некоторых могильниках отмечена поза всадника связанная с военной тактикой кочевников — стрелять из лука в преследовавшего врага. Наличие в сопутствующем инвентаре боевого оружия, кремация и захоронение мертвого в позе «всадника» непосредственно были связаны с новой культурой переселяющихся племен. По мнению Б. Х. Матбабаева, «по-

The burials with the 'horseman' position draw attention of scholars for a long time. Their areal is wide enough³⁴. In the European part they are known since the Yamny (Pit) culture³⁵. Also they are occasionally fixed among people of the 'Srubny' culture. Such traditions were spread since the Saka period in Central Asia and Kazakhstan³⁶ and they lasted till the first centuries CE³⁷. In sites of the Chirikrat culture there are both in the 'horseman' and 'semi-horseman' positions³⁸. They quite often take place in the Sarmat burials³⁹. All of these burials are dated, as a rule, to the ancient period and Antiquity, and to more later time as well⁴⁰. Among the buried persons in the 'horseman' position there are men, women and children too. The discovery of such interments in the collective burials gave a handle to some researchers to name them as 'commanders'⁴¹. According to O. V. Obelchenko's point of view this pose is a tribute to the ancient tradition of the nomadic peoples transitioned to the settled or semi-settled way of life⁴². By M. I. Artamonov's opinion such a position of legs of female skeletons symbolises the marital relations.

This pose is transitional form from the crouched position. It appeared in the Scythian interments in the 7–6th and existed till the 4th-3rd centuries BCE⁴³. B. A. Litvinskiy singled out three variants of burial typical for the 'horseman' position: 1) knees touched each other; 2) knees are moved apart, but feet are jointed and, perhaps, bound; 3) the same position like in No. 2, but feet are significantly moved apart. However, this pose was the secondary, and the initial was one of variants of the crouched position⁴⁴. From our point of view these positions were linked to their occupation and to the cult of horse. Perhaps, it might be a evidence that the dead person spent the main part of life on the horse. In some burial grounds there is a pose of horseman with the nomads' military tactics – to draw a bow towards the pursuing enemy. The weapons of war, cremation and the dead in the 'horseman' position among the grave goods are directly connected with a new culture of migrating tribes. By B. Kh. Matbabaev's opinion 'burials with a horse are somehow connected to the rite of cremation'⁴⁵.

The majority of burial mounds in Gulbo is catacombs and related in shape to the so-called Kenkol type such as a catacomb with dromos oriented to the west. There are two versions of origin of the catacomb burials. Yu. A. Zadneprovskiy supposed that the catacomb and similar burials were left by the newcomers, because they were not typical

гребения с конем в какой-то степени связаны с обрядом трюпосожжения»⁴⁵.

Большинство курганов Гульбо — катакомбные, по форме погребения относятся к так называемому кенкольскому типу — катакомба с дромосом, подходящим с запада. Существуют две версии о происхождении катакомбных погребений. Ю. А. Заднепровский считает, что катакомбные и подобные захоронения оставили пришлые племена, которые в течение 600–700 лет проживали с местным населением⁴⁶, т.к. они не типичны для Средней Азии. Согласно другой точки зрения, наоборот, предполагается их местное происхождение⁴⁷. Не менее интересен вопрос, являются ли они памятниками пришедших кочевников или местного оседлого населения? Ю. Д. Баруздин и Г. А. Брыкина склоняются ко второй точке зрения⁴⁸. Наши материалы не вызывают сомнения, что они оставлены кочевниками, так как материальная культура практически не находит аналогий в поселениях этого времени.

Таким образом, можно утверждать что, переселение кочевников в период античности в оазисы Северо-Западной Уструшаны оказывало сильное влияние на культуру местного населения. Эти племена занимали удобные для орошаемого земледелия оазисы округи городов и сельских поселений. Зачастую на равнинах возводились крепости и замки, а кочевническое население смешивалось с местным и все более активно участвовало в социально-экономической жизни региона. В результате в периоды поздней античности и раннем средневековье начала формироваться своеобразная культура. В это время усилилось возведение различных сооружений в оазисе. Несомненно, большая часть кочевников, располагавшихся на территориях Северо-Западной Уструшаны, приграничных со степью, вела кочевой образ жизни. Сангзарский оазис являлся для них ретранслятором культурных и экономических связей с древними государствами Средней Азии, в частности с Согдом.

В результате разведочных исследований последних лет в Джизакском оазисе обнаружено более 400 археологических памятников, в том числе и на территории Сырдарьинской области. Это позволяет расширить изучение древней истории северных и северо-западных областей Уструшаны. Граничившие со Средней Сырдарьей памятники Уструшаны, относящиеся к различным периодам, осваивались с древних времён, где главную роль в возникновении и развитии городов и поселений играла река Сангзар. Исследования Сангзарской долины протяженностью более чем 150 км показали высокую насыщенность археологическими памятниками, которые в свою очередь группировались в не-

for Central Asia; those tribes lived together with the local population for 600–700 years⁴⁶. According to different point of view it is assumed that they were of local origin⁴⁷. The question – whether these sites belonged to the arrived nomads or to the local sedentary population? – is not of less interest⁴⁸. Our materials are evidence that they were left by the nomads, because the material culture had no analogues in the sites of that period.

Thereby, it is possible to state that the migration of nomads in Antiquity into oases of Northwest Ustrushana strongly influenced on the culture of local population. These tribes occupied the convenient for irrigated agriculture oases around towns and settlements. Frequently, fortresses and castles were erected on plains, and the nomadic population mixed with local population and took part more actively in the social and economic life of the region. As a result, a peculiar culture started forming in the late Antiquity and the early Middle Ages. The construction of different buildings in the oasis was intensified at that time. Undoubtedly, the majority of nomads on territories of Northwestern Ustrushana bordering on the steppe led a nomadic way of life. Sangzar oasis was their retransmitter of cultural and economic links with the ancient states of Central Asia, in particular, with Sogd.

As a result of the surveys of the recent years in Djizak oasis and Syrdarya Province more than 400 archaeological sites were discovered. It allows widening the study of ancient history of the north and northwestern areas in Ustrushana. The sites of Ustrushana bordering on the Middle Syr Darya and dated to different periods were developed since the ancient time and the Sangzar River played the main role in origin and development of towns and settlements. The research of the Sangzar Valley more than 150km long indicated a big number of archaeological sites grouped into small cultural oases. The Neolithic sites situated in the Middle Sangzar River are evidence of the ancient settling in the valley⁴⁹. According to data of the archaeological sources the first settled agricultural settlements in Northwest Ustrushana appeared in the mid-1st millennium BCE, and the urban culture in the 3rd – 2nd centuries BCE⁵⁰.

The agricultural building construction on a level with the urban construction is fixed in the oasis in the late Antiquity and, especially, in the early Middle Ages. It was basically developed around towns and under their direct influence. E.g. the rural settlements were revealed around such towns as Nujket, Buztepa,

Таблица 1

Курганные могильники Северо-Западной Уструшаны

Table 1

The burial mounds fixed in Northwest Ustrushana

Тр	Месторасположение курганов Location of burial mounds	Количество курганов Number of burial mounds	Групповые Group	Отдельно стоящие Separate	Изученные курганы Studied burial mounds
1	Фаришский район \ Farish region:				
	Авлиятаг \ Avliyatag	14	14		
	Асмансай \ Asmansai	8	8		
	Ханбанди \ Khanbandi	10	10		
	Иланчисай \ Ilanchisai	28	28		
	Балбансай \ Balbansai	11	11		
	Сассиксай \ Sassiksai	16	16		
	Бирэшак \ Bireshak	11	11		
	Байбуча \ Baybucha	30	30		
	Сафарата \ Safarata	25	25		
	Чарлоук \ Charlouk	23	23		
	Караташ I \ Karatash I	10	10		3
	Караташ II \ Karatash II	12	12		1
	Кулисар (Дунетера) \ Kulpisar (Dunetepa)	23	23		8
2	Зааминской район \ Zaamin region:				
	Шурбулаксай \ Shurbulaksai	13	13		
	Жалойир \ Jaloyir	7	7		
	Карапчи \ Karapchi	7	7		
	Хулкар \ Khulkar	3	3		
	Зоминсу \ Zominsu	11	11		
	Узункишлак \ Uzunkishlak	7	7		
	Аччи \ Achchi	15	8	7	
	Мугол \ Mugol	18	10	8	
	Ақташсай \ Aktashsai	7	7		
	Пишагарсай \ Pishagarsai	13	13		
	Хужаисароб I \ Khujaisarob I	20	20		1
	Хужаисароб II \ Khujaisarob II	100	100		
	Гулба \ Gulba	24	24		5
	Каратепа \ Karatepa	21	21		4
	Саганоктепа \ Saganoktep	3	3		3
	Туркмансай \ Turkmans	8	5	3	
	Чилламазарсай \ Chillamazarsai	9	5	4	
	Бешбулаксай \ Beshbulaksai	11	6	5	
	Еттিকেчув \ Ettikechuv	8	8		
	Ақбулоқсай \ Akbuloksai	7	7		
	Кашкасув \ Kashkasuv	12	7	5	
	Қизилмазар \ Kizilmazar	7	3	4	
Байкунгир \ Baykungir	12	9	3		
3	Джизакский район \ Djizak region:				
	Курпа \ Kurpa	55	46	9	4
	Парпи ата \ Parpi ata	2			
	Учтепа \ Uchtepa	3		3	
4	Бахмалский район \ Bakhmal region:				
	Ойкар \ Oykara	31	31		
	Сартюзи \ Sartyuzi	7		7	
	Зартепа \ Zartepa	11	11		
	Беккелди \ Bekkeldi	11		11	
5	Галлааралский район \ Gallaaral region:				
	Чувиллак \ Chuvillak	4		4	1
	Шахидтепа \ Shakhidtepa	3		3	

большие культурные оазисы. Неолитическая стоянка, расположенная в среднем течении р. Сангзар, является свидетельством древнейшего обживания долины⁴⁹. По сведениям археологических источников, первые оседлоземледельческие поселения Северо-Западной Уструшаны появляются с середины I тысячелетия до н. э., а городская культура в III–II в. до н. э.⁵⁰

В период поздней античности, особенно в раннем средневековье, в оазисе наравне с городским фиксируется и сельское строительство. Последнее в основном развивалось вокруг городов и находилось под их непосредственным влиянием. К примеру, сельские поселения выявлены вокруг таких городов, как Нужкет, Бузтепа, Харакана-Кургантепа, Фекнан — Дизак, Заамин и другие⁵¹. Этот исторический процесс, получивший начало в античном периоде, приобрел особо массовый характер в раннем средневековье. Из приведенных выше археологических памятников многие расположены в бассейне рек Сангзар и Зааминсу — на границе с кочевниками. Можно сказать, что увеличение оседлого населения в определённый период происходило за счёт оседания и перехода скотоводов к земледелию.

Также по сведениям китайских источников периода династии Цзинь (256–419 гг.) известно, что Кангюйские правители перенесли свою центральную резиденцию с южных берегов Сырдарьи в Согд. Это было связано как с появлением на исторической арене кидаритов, хионитов и эфталитов, так и с усилением влияния культуры народов Средней Сырдарьи на соседние регионы. В этот период наблюдается усиление этнических и родственных отношений между данными племенами и народностями.

Известно, что северо-западные границы Уструшаны являлись наиболее близкой контактной зоной с кочевыми племенами. Даже в последующем X в., когда земледелие было широко распространено, арабские географы определяли эти территории (рустак Фекнан) как «приграничную зону» со степными народами. В Голодной степи, расположенной в пределах Уструшаны, кочевали гузы. Ибн Хаукаль, описывая Заамин, сообщал, что к северу от него расположена «страна гузов», представлявшая собой степь, в которой нет гор⁵². Гузы упоминаются и Абу Насром Ал-Утби в связи с битвой между представителем саманидской династии Абу Ибрахимом Мунтасиром и караханидским илеком.⁵³ Огузы обитали в районе Средней Сырдарьи (Фарабский округ, Шаш), в том числе и на ее левом берегу⁵⁴. По мнению Н. Н. Негматова, в IX–X вв. огузы кочевали в присырдарьинских районах Голодной степи — на северо-западных границах Уструшаны⁵⁵.

Kharakana-Kurgantepa, Feknan-Dizak, Zaamin, etc⁵¹. This historical process began in Antiquity turned into mass in the early Middle Ages. Many sites cited above are situated in the basin of Sangzar and Zaaminsu rivers and on the border with the nomads. One can say that the increase of sedentary population happened in the definite period owing to the settling and transition of the cattle-breeders to agriculture.

The Chinese written sources of the Jin dynasty (256–419) mention that Kangyu rulers moved their central residency from the South Syr Darya to Sogd. The reason was the appearance of the Cidarites, Hionites and Ephthalites on the historical arena and the intensified influence of cultures of peoples in the Middle Syr Darya on the adjacent regions. In that period the intensification of ethnical and kindred relations between tribes and peoples took place.

It is known that the northwestern borders of Ustrushana were the closest contact zone with the nomadic tribes. The Arab geographers called these territories (Feknan *rustak*) as 'frontier zone' with the steppe peoples even in the 10th century, when the agriculture was widely spread. The Guzeds led a nomad's life in the Golodnaya (Starving) steppe located in limits of Ustrushana. Ibn Khaukal describing Zaamin wrote that 'the Guzeds' country' was a steppe without mountains⁵². The Guzeds are mentioned by Abu Nasr Al-Utbi in connection to a battle of a member of the Samanid dynasty Abu Ibrahim Muntasir and the Karakhanid *ilek*⁵³. The Oguzes inhabited the Middle Syr Darya area (Farab region, Shash) including its left bank⁵⁴. According to N. N. Negmatov's opinion the Oguzes roamed from place to place in the Syr Darya regions of the Golodnaya steppe on the northwestern borders of Ustrushana⁵⁵.

Basing on results of archaeological researches it is possible to state that the peculiar local culture remained intact in Djizak oasis. It is proved by the stratigraphic of archaeological cultural stratification revealed at sites of Djizak, Khavas, Gallyaaral and Zaamin⁵⁶. The critical analyse of researches indicates that the population of Northwestern Ustrushana was directly linked to all historical processes taking place in Central Asia between farmers and cattle-breeders in the early Middle Ages. It is proved by the fact that stages of development of material culture of Ustrushana are corresponded to other cultural regions of Central Asia, especially, Fergana and Chach.

The next stage of settling of the nomads in contact zones came to an end when the Turkic khaganate con-

Опираясь на результаты археологических исследований, можно сказать, что в Джизакском оазисе сохранилась своеобразная местная культура. Это подтверждается стратиграфией археологических культурных напластований, выявленных на памятниках Джизака, Хаваса, Галлярала и Заамина⁵⁶. Критический анализ исследований показывает, что население Северо-Западной Уструшаны имело непосредственное отношение ко всем историческим процессам, происходившим в Средней Азии между земледельцами и скотоводами в эпоху раннего средневековья. Это подтверждается тем, что этапы развития материальной культуры Уструшаны имеют определенные соответствия с другими культурными регионами Средней Азии (особенно Чач, Фергана).

После завоевания Тюркским каганатом Эфталитского государства завершился следующий этап оседания носителей кочевых культур в контактных зонах, что проявилось в упадке городищ Пардакултепа, Калиятапа и Расулбойкултепа. Это своеобразие Уструшаны особо проявилось в период раннего средневековья, когда Уструшана стала независимым государством. Главный город Уструшаны — Бунджикат, выделился в качестве политико-административного и производственного центра. В то время вокруг центров таких рустаков и округов как Сабат, Заамин, Фекнан, Харакана появились различные сооружения, связанные с торговыми и транзитными дорогами. В этот период произошли исторические события, стимулировавшие социально-экономическое, культурное и этническое сближение кочевых и земледельческих народов Северо-Западной Уструшаны. Археологические материалы свидетельствуют, что оседлое и кочевое население не просто сосуществовало. Было налажено активное взаимное сотрудничество, так как земледельцы и ремесленники нуждались в скотоводческих продукциях, а сами кочевники представляли большой рынок сбыта земледельческих и ремесленных товаров. Необходимо отметить, что «рыночные отношения» были основаны зачастую на товарном обмене. Лишь с VII века в торговле увеличился денежный оборот за счёт увеличения чекана монет тюркских тудан, о чем свидетельствует Кингиртепинский клад⁵⁷. Несомненно, народы Средней Азии с древнейших времен развивались под сложным влиянием двух культур — земледельческой и кочевого скотоводства. Этот процесс усилился с периода античности и продолжался с середины I тыс. н. э., когда большие территории Средней Азии вошли в состав Эфталитского государства, и позже — при Тюркском каганате.

quered Ephtalite state and it appeared in the decay of sites of Pardakulteпа, Kaliyataпа and Rasulboykulteпа. The originality of Ustrushana especially appeared in the early Middle Ages, when Ustrushana became the independent state. The chief city of Ustrushana – BUNDJIKAT segregated as the political, administrative and production centre. At that time the different constructions connected to the trade and transit roads appeared around centres of such *rustak* and regions as Sabat, Zaamin, Feknan and Kharakan. The historical events stimulating the social, economic, cultural and ethnic convergence of the nomadic and farming peoples of Northwest Ustrushana happened in that period. The archaeological materials are evidence that the settled and nomadic population coexisted and the active mutual collaboration, because the farmers and craftsmen needed the cattle-breeding products, and the nomads needed the farming and handicraft goods, was put right. It is necessary to note that ‘market relations’ were based on the barter. Just since the 7th century the monetary circulation due to the increase of mintage of the Turkic *tudan* proved by Kingirteпа hoard was enlarged⁵⁷. Undoubtedly, peoples of Central Asia developed under the complex influence of two cultures – agricultural and nomadic cattle-breeding since the ancient time. This process intensified since Antiquity and continued since the mid-1st millennium, when big areas of Central Asia became a part of Ephtalite state and the Turkic khagante later on.

¹ Bartol'd V. V. Sogd. Sochineniye. T. III. S. 212. Moskva, 1965.

² Filanovich M. I. Tashkent: zarojdeniye i razvitiye goroda i gorodskoy kul'tury. S. 23. Tashkent, 1983.

³ Gumilev L. N. Tysyacheletiyе vokrug Kaspiya. S. 85. Boku, “Azernashr”, 1991.

⁴ Fedorov-Davydov G. A. Kochevniki Vostochnoy Yevropy pod vlastyu zolotoordynskikh khanov. S. 19. Moskva, 1966.

⁵ Litvinskiy B. A. Kangyuysko-sarmatskiy farn. S. 21. Dushanbe, 1968.

⁶ Gulyamov Ya. G. Kladbishe Kulpi-Sar // IMKU. Vyp. 2. S. 92. Tashkent, 1961.

⁷ Brykina G. A. Yugo-zapadnaya Fergana v pervoy polovine I tysyacheletiya nashey ery. S. 145. Moskva, 1982.

⁸ Gritsina A. A. Izucheniye kurganov v Syrdar'inskoy oblasti // IMKU. Vyp. 28. S. 73. Ris. 1. Samarkand, 1997.

⁹ Pardayev M. Kh K arkheologicheskomu izucheniyu Djizakskogo oazisa. Sb. “Arkheologiya Sredney Azii”. S. 78–79. Tashkent, 1990.

- ¹ **Бартольд В. В.** Согд. Сочинение. Т. III. Москва, 1965. С. 212.
- ² **Филанович М. И.** Ташкент: зарождение и развитие города и городской культуры. Ташкент, 1983. С. 23.
- ³ **Гумилев Л. Н.** Тысячелетие вокруг Каспия. Боку, «Азер-нашр», 1991. С. 85.
- ⁴ **Федоров-Давыдов Г. А.** Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. Москва, 1966. С. 19.
- ⁵ **Литвинский Б. А.** Кангюско-сарматский фарн. Душанбе, 1968. С. 21.
- ⁶ **Гулямов Я. Г.** Кладбище Кули-Сар // ИМКУ. Вып. 2. Ташкент, 1961. С. 92.
- ⁷ **Брыкина Г. А.** Юго-западная Фергана в первой половине I тысячелетия нашей эры. Москва, 1982. С. 145.
- ⁸ **Грицина А. А.** Изучение курганов в Сырдарьинской области // ИМКУ. Вып. 28. Самарканд, 1997. С. 73. Рис. 1.
- ⁹ **Пардаев М. Х.** К археологическому изучению Джизакского оазиса. Сб. «Археология Средней Азии». Ташкент, 1990. С. 78–79.
- ¹⁰ **Массон В. М.** Кочевнические компоненты кушанского археологического комплекса // Проблемы античной культуры. Москва, 1986. С. 260.
- ¹¹ **Rapin C.**, en Collaboration Avec MM. **Isamiddinov**, et **Khasanov M.** La tombe d'une princesse nomade a Koktepe pres de Samarkand // Academie des inscription & belles — letters. Comptes rendus des Séances de L' Année. Paris, 2001. P. 46, fig. 8, 2–3; p. 52, fig. 12
- ¹² **Мандельштам А. М.** Памятники кочевников кушанского времени в Северной Бактрии. Ленинград, 1975. С. 154–155.
- ¹³ **Левина Л. М.** Керамика нижней и средней Сырдарьи в I тысячелетии н. э. Москва, 1971. С. 223–228.
- ¹⁴ **Горбунова Н. Г.** Некоторые особенности формирования древних культур Ферганы. Археологический сборник ГЭ. Вып. 25. Москва, 1984. С. 105.
- ¹⁵ **Тошбоев Ф. Э.** Уструшона халқларининг ҳарбий қуроллари ҳақида дастлабки мулоҳазалар // Ўзбекистон археологияси. Нашр. 7. Тошкент, 2013. Б. 177.
- ¹⁶ **Грицина А. А.** Кочевники в Уструшане (на примере изучения курганов в Сырдарьинской и Джизакской областях) // Цивилизации скотоводов и земледельцев Центральной Азии. — Самарканд-Бишкек: — Самарканд, 2005. С. 186–195; **Тошбоев Ф. Э.** Икки хил хўжалик ягона иқтисодий тизим // Ўзбекистон археологияси. Нашр. 1. Тошкент, 2010. Б. 68–73.
- ¹⁷ **Пшеничнюк А. Х.** Культура ранних кочевников Южного Урала. М.: 1983. С. 144, табл. XI, 1, табл. XXXVI, 8.
- ¹⁸ **Мандельштам А. М.** Кочевники на пути в Индию. Москва-Ленинград, 1966. Табл. XXXIX.
- ¹⁹ **Обельченко О. В.** Лявандакский могильник // ИМКУ. Вып. 2. Ташкент, 1961. С. 131, рис. 8; **Обельченко О. В.**
- ¹⁰ **Masson V. M.** Kochevnicheskiye komponenty kushansko-go arkheologicheskogo kompleksa // Problemy antichnoy kul'tury. S. 260. Moskva, 1986.
- ¹¹ **Rapin C.**, en Collaboration Avec MM. **Isamiddinov**, et **Khasanov M.** La tombe d'une princesse nomade a Koktepe pres de Samarkand // Academie des inscription & belles — letters. Comptes rendus des Séances de L' Année. P. 46, fig. 8, 2–3; P. 52, fig. 12. Paris, 2001.
- ¹² **Mandel'shtam A. M.** Pamyatniki kochevnikov kushanskogo vremeni v Severnoy Baktrii. S. 154–155. Leningrad, 1975.
- ¹³ **Levina L. M.** Keramika nijney i sredney Syrdar'i v I tysyacheletii n.e. S. 223–228. Moskva, 1971.
- ¹⁴ **Gorbunova N. G.** Nekotorye osobennosti formirovaniya drevnikh kul'tur Fergany. Arkheologicheskii sbornik GE. Vyp. 25. S. 105. Moskva, 1984.
- ¹⁵ **Toshboyev F. E.** Ustrushona xalqlarining xarbiy qurollari haqida dastlabki muloxazalar // O'zbekiston arxeologiyasi. Nashr. 7. B. 177. Toshkent, 2013.
- ¹⁶ **Gritsina A. A.** Kochevniki v Ustrushane (na primere izucheniya kurganov v Syrdar'inskoy i Djizakskoy oblasti) // Tsivilizatsii skotovodov i zemledel'tsev Tsentral'noy Azii. S. 186–195. Samarkand-Bishkek: Samarkand, 2005; **Toshboyev F. E.** Ikki xil xo'jalik yagona iqtisodiy tizim // O'zbekiston arxeologiyasi. Nashr. 1. B. 68–73. Toshkent, 2010.
- ¹⁷ **Pshenichnyuk A. Kh.** Kul'tura rannikh kochevnikov Yujnogo Urala. S. 144. Tabl. XI, 1, Tabl. XXXVI, 8. Moskva, 1983.
- ¹⁸ **Mandel'shtam A. M.** Kochevniki na puti v Indiyu. Tabl. XXXIX. Moskva-Leningrad, 1966.
- ¹⁹ **Obel'chenko O. V.** Lyavandakskiy mogil'nik // IMKU. Vyp. 2. S. 131. Ris. 8. Tashkent, 1961; **Obel'chenko O. V.** Mogil'nik Akjartepe // IMKU. Vyp. 3. S. 60–60. Ris. 4. Tashkent, 1962.
- ²⁰ **Pshenichnyuk A. Kh.** Kul'tura rannikh kochevnikov Yujnogo Urala. S. 144. Tabl. XI, 8. Moskva, 1983.
- ²¹ **Smirnov K. F.** Sarmaty i utverjdeniye ikh politicheskogo gospodstva v Skifii. S. 59. Ris. 22, 2. Moskva, 1984.
- ²² **Bogomolov G. I., Gendel'man P. I.** Metallicheskiye izdeliya s gorodishya Kanka // IMKU. Vyp. 24. S. 93. Tashkent, 1990.
- ²³ **Mandel'shtam A. M.** Kochevniki na puti v Indiyu. S. 14–15. Tabl. XXXIX. Moskva-Leningrad, 1966.
- ²⁴ **Litvinskiy B. A.** Orudiya truda iz mogil'nikov Zapadnoy Fergany. S. 19. Tabl. 1,3. Moskva, 1978.
- ²⁵ **Obel'chenko O. V.** Lyavandakskiy mogil'nik // IMKU. Vyp. 2. S. 76. Tashkent, 1961.
- ²⁶ **Alimov K. A., Bogomolov G. I.** K voprosu ob etnokul'turnykh svyazyakh kochevnikov Bukhary i Chacha // IMKU. Vyp. 32. S. 169. Ris. 3–5. Samarkand, 2000.

- Моги́льник Акжартепе // ИМКУ. Вып. 3. Ташкент, 1962. С. 60–60, рис. 4.
- ²⁰ **Пшеничнюк А. Х.** Культура ранних кочевников Южного Урала. М.: 1983. С. 144, табл. XI, 8.
- ²¹ **Смирнов К. Ф.** Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. Москва, 1984. С. 59, рис. 22, 2.
- ²² **Богомолов Г. И., Гендельман П. И.** Металлические изделия с городища Канка // ИМКУ. Вып. 24. Ташкент, 1990. С. 93.
- ²³ **Мандельштам А. М.** Кочевники на пути в Индию. Москва-Ленинград, 1966. С. 14–15, табл. XXXIX.
- ²⁴ **Литвинский Б. А.** Орудия труда и из могильников Западной Ферганы. Москва, 1978. С. 19. Таб. 1,3.
- ²⁵ **Обельченко О. В.** Лявандакский могильник // ИМКУ. Вып. 2. Ташкент, 1961. С. 76.
- ²⁶ **Алимов К. А., Богомолов Г. И.** К вопросу об этнокультурных связях кочевников Бухары и Чача // ИМКУ. Вып. 32. Самарканд, 2000. С. 169, рис. 3–5.
- ²⁷ **Литвинский Б. А.** Орудия труда и из могильников Западной Ферганы. Москва, 1978. С. 19, табл. 1.
- ²⁸ **Литвинский Б. А.** Орудия труда и из могильников Западной Ферганы. Москва, 1978. С. 19, табл. 3, 1,3.
- ²⁹ **Обельченко О. В.** Лявандакский могильник // ИМКУ. Вып. 2. Ташкент, 1961. С. 136–140; **Пшеничнюк А. Х.** Культура ранних кочевников Южного Урала. М.: 1983. С. 144, табл. табл. XI, 10.
- ³⁰ **Литвинский Б. А.** Среднеазиатские железные наконечники стрел // СА. Вып. 2. Москва, 1965. С. 78–81.
- ³¹ **Грязнов М. П.** Пастушеские племена Средней Азии в эпоху развитой и поздней бронзы // КСИА. Вып. 122. Москва, 1970. С. 37–42.
- ³² **Матбабаев Б. Х.** К истории культуры Ферганы в эпоху раннего средневековья. Ташкент, 2009. С. 56.
- ³³ **Аванесова Н. А., Топшупатова Н.** Символика огня в погребальной практике в сапаллинской культуры (по материалам исследования могильника Бустан VI) // ИМКУ. Вып. 30. Самарканд, 1999. С. 29.
- ³⁴ **Смирнов К. Ф.** Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. Москва, 1985. С. 75–78, рис. 31; **Абдуллаев А.** Отчет о раскопках погребений в Гиссаре (август – сентябрь 1971 г.) // АРТ. Вып. XI. Душанбе, 1975 с. 51–52, рис. 1; **Баруздин Ю. Д., Брыкина Г. А.** Археологические памятники Баткена и Ляйляка (Юго-Западная Киргизия). Фрунзе, 1962. С. 9–10, рис. 1; **Алимов К., Буряков Ю. Ф.** Погребальные сооружения // Древности Туябугуза. Ташкент, 1978. С. 117–119.
- ³⁵ **Телегин Д. Я.** Об основных позициях в положении погребенных первобытной эпохи Европейской части СССР // Энеолит и бронзовый век Украины. Киев, 1976. С. 10, 11, рис. 4, 2.
- ²⁷ **Litvinskiy B. A.** Orudiya truda iz mogil'nikov Zapadnoy Fergany. S. 19. Tabl. 1. Moskva, 1978.
- ²⁸ **Litvinskiy B. A.** Orudiya truda iz mogil'nikov Zapadnoy Fergany. S. 19. Tabl. 3,1,3. Moskva, 1978.
- ²⁹ **Obel'chenko O. V.** Lyavandakskiy mogil'nik // IMKU. Vyp. 2. S. 136–140. Tashkent, 1961; **Pshenichnyuk A. Kh.** Kul'tura rannikh kochevnikov Yujnogo Urala. S. 144. Tabl. XI, 10. Moskva, 1983.
- ³⁰ **Litvinskiy B. A.** Sredneaziatskiye jeleznye nakonechniki strel // SA. Vyp. 2. S. 78–81. Moskva, 1965.
- ³¹ **Gryaznov M. P.** Pastusheskiye plemena Sredney Azii v epokhu razvitoy i pozdney bronzy // KSIA. Vyp. 122. S. 37–42. Moskva, 1970.
- ³² **Matbabayev B. Kh.** K istorii kul'tury Fergany v epokhu rannego srednevekov'ya. S. 56. Tashkent, 2009.
- ³³ **Avanesova N. A., Toshpulatova N.** Simvolika ognya v pogrebal'noy praktike sapallinskoy kul'tury (po materialam issledovaniya mogil'nika Bustan VI) // IMKU. Vyp. 30. S. 29. Samarkand, 1999.
- ³⁴ **Smirnov K. F.** Sarmaty i utverjdeniye ikh politicheskogo gospodstva v Skifii. S. 75–78. Ris. 31. Moskva, 1985; **Abdullayev A.** Otchet o raskopkakh pogrebeniy v Gissare (avgust-sentyabr' 1971 g.) // ART. Vyp. XI. S. 51–52. Ris. 1. Dushanbe, 1975; **Baruzdin Yu. D., Brykina G. A.** Arkheologicheskiye pamyatniki Batkena i Lyaylyaka (Yugo-Zapadnaya Kirgiziya). S. 9–10. Ris. 1. Frunze, 1962; **Alimov K., Buryakov Yu. F.** Pogrebal'nye sooruzheniya // Drevnosti Tuyabuguza. S. 117–119. Tashkent, 1978.
- ³⁵ **Telegin D. Ya.** Ob osnovnykh pozitsiyakh v polozhenii pogrebal'nykh pervobytnoy epokhi Yevropeyskoy chasti SSSR // Eneolit i bronzovyi vek Ukrainy. S. 10, 11. Ris. 4,2. Kiyev, 1976.
- ³⁶ **Saltovskaya Ye. D.** O raskopkakh mogil'nika Dashti Asht v 1976 g. // ART. Vyp. 16. S. 253–255. Ris. 1. Dushanbe, 1982; **Kadyrbayev M. K., Kurmankulov J. K.** Zakhoroneniya voinov savromatskogo vremeni levoberej'ye r. Ilek // Proshloye Kazakhstana po arkheologicheskim istochnikam. S. 139–141. Рис. 1. Alma-Ata, 1976.
- ³⁷ **Kushayev G. A.** Novye pamyatniki jelezno go veka Zapadnogo Kazakhstana // KSIA. Ranniye kochevniki. Vyp. 154. S. 81–82. s. 78, ris. 1, D. Moskva, 1978; **Baipakov K. M., Podushkin A. N.** Pamyatniki zemledel'chesko-skotovodcheskoy kul'tury Yujnogo Kazakhstana (I tsysacheletije n.e.). Tabl. VI. Alma-Ata, 1989.
- ³⁸ **Vaynberg B. I., Levina L. M.** Nizov'ya Syrdar'i v drevnosti. Vyp. 1. S. 39. Ris. 38. Chirikrabatskaya kul'tura. Moskva, 1993.
- ³⁹ **Smirnov K. F.** Sarmaty i utverjdeniye ikh politicheskogo gospodstva v Skifii. S. 66. Ris. 21,1. Moskva, 1985.

- ³⁶ **Саалтовская Е. Д.** О ракопках могильника Дашти Ашт в 1976 г. // АРТ. Вып. 16. Душанбе, 1982. С. 253–255, рис. 1; **Кадырбаев М. К., Курманкулов Ж. К.** Захоронения воинов савроматского времени на левобережье р. Илек // Прошлое Казахстана по археологическим источникам. Алма-Ата, 1976. С. 139–141, рис. 1.
- ³⁷ **Кушаев Г. А.** Новые памятники железного века Западного Казахстана // КСИА. Вып. 154. Ранние кочевники. Москва, 1978. С. 81–82, с. 78, рис. 1, Д; **Байпаков К. М., Подушкин А. Н.** Памятники земледельческо-скотоводческой культуры Южного Казахстана (I тысячелетие н. э.). Алма-Ата, 1989. Табл. VI.
- ³⁸ **Вайнберг Б. И., Левина Л. М.** Низовья Сырдарьи в древности. Вып. 1. Чиркирабатская культура. М.: 1993. С. 39; рис. 38.
- ³⁹ **Смирнов К. Ф.** Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. –М.: 1985. С. 66, рис. 21, 1.
- ⁴⁰ **Матбабаев Б. Х., Иванов Г. П.** Находки погребений с трупопожжением и конем в Фергане // ОНУ. Вып. 5. Ташкент, 1997. С. 74.
- ⁴¹ **Кадырбаев М. К., Курманкулов Ж. К.** Захоронения воинов савроматского времени на левобережье р. Илек // Прошлое Казахстана по археологическим источникам. Алма-Ата, 1976. С. 139–141.
- ⁴² **Обельченко О. В.** Куюмазарский могильник // Труды Института истории и археологии АНР Узбекистана. Вып. 8. Ташкент, 1956. С. 226.
- ⁴³ **Ольховский В. С.** Погребально-поминальная обрядность населения степной Скифии (VII–III вв. до н. э.). М.: 1991. С. 154.
- ⁴⁴ **Литвинский Б. А.** Курганы и курумы Западной Ферганы. (Раскопки. Погребальный обряд в свете этнографии). Москва, 1972. С. 101–102.
- ⁴⁵ **Матбабаев Б. Х.** К истории культуры Ферганы в эпоху раннего средневековья. Ташкент, 2009. С. 56.
- ⁴⁶ **Заднепровский Ю. А.** Археологические памятники южных районов Ошской области. Фрунзе, 1960 С. 136; **Заднепровский Ю. А.** Древние номады Центральной Азии. (Сборник статей). Санкт-Петербург, 1997. С. 39
- ⁴⁷ **Сорокин С. С.** О датировке и толковании Кенкольского могильника // КСИИМК. № 64. 1956. С. 3–4.
- ⁴⁸ **Баруздин Ю. Д., Брыкина Г. А.** Археологические памятники Баткена и Ляйляка (Юго-Западная Киргизия). Фрунзе, 1962. С. 66–67.
- ⁴⁹ **Анбоев И. А.** Древности Голодной степи // ИМКУ. Вып. 4. Ташкент, 1963. С. 51–56; **Гулямов Я. Г.** Кладбище Кулпи-Сар // ИМКУ. Вып. 2. Ташкент, 1961. С. 92–96; **Хужаназаров М.** Наскальные изображения Северо-Восточного Узбекистана. // Автореф. дисс. канд. ист. наук. Л., 1985. С. 18.
- ⁴⁰ **Matbabayev B. Kh., Ivanov G. P.** Nakhodki pogrebeniy s truposojjeniyem i konem v Fergane // ONU. Vyp. 5. S. 74. Tashkent, 1997.
- ⁴¹ **Kadyrbayev M. K., Kurmankulov J. K.** Zakhoroneniya voinov savromatskogo vremeni na levoberej'ye r. Ilek // Proshloye Kazakhstana po arkheologicheskim istochnikam. S. 139–141. Alma-Ata, 1976.
- ⁴² **Obel'chenko O. V.** Kuyumazarskiy mogil'nik // Trudy Instituta istorii i arkheologii ANR Uzbekistana. Vyp. 8. S. 226. Tashkent, 1956.
- ⁴³ **Ol'khovskiy V. S.** Pogrebal'no-pominal'naya obryadnost' naseleniya stepnoy Skifii (VII–III vv. do n.e.). S. 154. Moskva, 1991.
- ⁴⁴ **Litvinskiy B. A.** Kurgany i kurумы Zapadnoy Fergany. (Raskopki, Pogrebal'nyi obryad v svete etnografii). S. 101–102. Moskva, 1972.
- ⁴⁵ **Matbabayev B. Kh** K istorii kul'tury Fergany v epokhu rannego srednevekov'ya. S. 56. Toshkent, 2009.
- ⁴⁶ **Zadneprovskiy Yu. A** Arkheologicheskiye pamyatniki yujnykh rayonov Oshskoy oblasti. S. 136. Frunze, 1960; **Zadneprovskiy Yu. A.** Drevniye nomady Tsentral'noy Azii (Sbornik statey). S. 39. Sankt-Peterburg, 1997.
- ⁴⁷ **Sorokin S. S.** O datirovke i tolkovanii Kenkol'skogo mogil'nika // KSIIMK. № 64. S. 3–4. 1956.
- ⁴⁸ **Baruzdin Yu. D., Brykina G. A.** Arkheologicheskiye pamyatniki Batkena i Lyaylyaka (Yugo-Zapadnaya Kirgiziya). S. 66–67. Frunze, 1962.
- ⁴⁹ **Anboev I. A.** Drevnosti Golodnoy stepi // IMKU. Vyp. 4. S. 51–56. Tashkent, 1963; **Gulyamov Ya. G.** Kladbische Kulpi-Sar // IMKU. Vyp. 2. S. 92–96. Tashkent, 1961; **Khujanazarov M.** Naskal'nye izobrajeniya Severo-Vostochnogo Uzbekistana // Avtoref. Diss... kand. ist. nauk. S. 18. Leningrad, 1985.
- ⁵⁰ **Gritsina A. A.** Severnaya Ustrushana v seredine tysyacheletiya do n.e. – nachalo XIII v. n.e. (arkheologo-topograficheskoye issledovaniye). Avtoref. Diss... kand. ist. nauk. S. 24. Samarkand, 1990; **Pardayev M. Kh.** Severo-zapadnaya Ustrushana v epokhu rannego srednevekov'ya (po materialam nijnego techeniya r. Sangzar). Avtoref. Diss... kand. ist. nauk. S. 33. Tashkent, 1995; **Pardayev M. Kh.** “Komilbobotepa qal'asi”. O'MMT. Nashr. 32. B. 133–142. Toshkent, 2001.
- ⁵¹ **Pardayev M. Kh., Suyunov S. S., Pardayev A. Kh** Shimoliy-g'arbiy Ustrushonada sug'orma dexqonchilik xo'jaligining paydo bo'lishi va taraqqiyot bosqichlari. O'MMT. Nashr. 30. S. 230–232. Samarqand, 1999.
- ⁵² **Betger Ye. K** Izvlecheniya iz knigi “Puti i strany” Abu-l-Kasima ibn-Khaukalya // Trudy SAGU im. V.I. Lenina. S. 20. Tashkent, 1957.

- ⁵⁰ **Грицина А. А.** Северная Уструшана в середине тысячелетия до н. э. – начало XIII в. н. э. (археолого–топографическое исследование). Автореф. дис. канд. ист. наук. С. 1990. С. 24; **Пардаев М. Х.** Северо–западная Уструшана в эпоху раннего средневековья (по материалам нижнего течения р. Сангзар). Автореф... Дисс. канд. ист. наук. Т. 1995. С. 33; **Пардаев М. Х.** «Комилбоботепа қалбаси». ЎММТ, Нашр. 32. Тошкент, 2001. Б. 133–142.
- ⁵¹ **Пардаев М. Х., Суюнов С. С., Пардаев А. Х.** // Шимолий-гарбий Уструшонада суғорма деҳқончилик хўжалигининг пайдо бўлиши ва тараққиёт босқичлари. ЎММТ. Нашр 30. Самарқанд, 1999. С. 230–232.
- ⁵² **Бетгер Е. К.** Извлечения из книги «Пути и страны» Абу-л-Касима ибн-Хаукаля // Труды САГУ им. В. И. Ленина. Ташкент. 1957. С. 20.
- ⁵³ Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т. 1. Москва-Ленинград, 1939. С. 226.
- ⁵⁴ **Агаджанов С. Г.** Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX–XIII вв. Ашхабад, 1969. С. 74–75.
- ⁵⁵ **Негматов Н. Н.** К вопросу об этнической принадлежности населения Уструшаны // КСИИМК. Вып. 61. Москва, 1956. С. 34.
- ⁵⁶ **Буряков Ю. Ф., Грицина А. А.** К открытию античного ядра Заamina // ОНУ. Вып. 8. Ташкент, 1994. С. 63–66.
- ⁵⁷ **Бердимуратов А. Э., Пардаев М. Х.** Замок Кингиртепа // ИМКУ. Вып. 22. Ташкент, 1988. С. 66–75.
- ⁵³ **Materialy** po istorii turkmen i Turkmenii. T. 1. S. 226. Moskva-Leningrad, 1939.
- ⁵⁴ **Agadjanov S. G.** Ocherki istorii oguzov i turkmen Sredney Azii IX–XIII vv. S. 74–75. Ashkhabad, 1969.
- ⁵⁵ **Negmatov N. N.** K voprosu ob etnicheskoy prinadlenosti naseleniya Ustrushany // KSIIMK. Vyp. 61. S. 34. Moskva, 1956.
- ⁵⁶ **Buryakov Yu. F., Gritsina A. A.** K otkrytiyu antichnogo yadra Zaamina // ONU. Vyp. 8. S. 63–66. Tashkent, 1994.
- ⁵⁷ **Berdimuradov A. E., Pardayev M. Kh** Zamok Kingirtepa // IMKU. Vyp. 22. S. 66–75. Tashkent, 1988.